

Безусловно, интернет-коммуникация способствует постоянному расширению состава «пользователей» глобального языка. Так, ООН в настоящее время использует пять официальных языков (английский, французский, испанский, русский и китайский), однако около 90 % международных организаций используют английский в качестве по меньшей мере одного из их официальных языков (в то время как французским пользуется уже менее 50 %), свыше 30 % (приблизительно одна треть) международных организаций используют в качестве официального исключительно английский язык, в том числе свыше 90 % – среди азиатских международных организаций, что делает еще более очевидным выбор носителей наиболее распространенных языков мира в пользу глобального языка.

В заключение следует отметить, что концепция глобальных языковых сетей представляется определяющей для уяснения динамики развития интернационального пласта лексики мировых языков. Особое значение это имеет для анализа процесса и результата взаимодействия глобальных и субглобальных языков, при том что последние выступают посредниками между глобальным и маргинальными языками современной межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
2. Pimienta D., Prado D., Blanco A. Twelve Years of Measuring Linguistic Diversity in the Internet: Balance and Perspectives [Electronic resource]. URL: www.ifap.ru/pr/2010/n100305c.pdf (дата обращения: 15.05.2017).
3. Ronen S., Goncalves B., Hu K.Z., Vespignani A., Pinker S., Hidalgo C.A. Links That Speak: The Global Language Network and Its Association with Global Fame // Proceedings of the National Academy of Sciences 111. 2014. № 52 [Electronic resource]. URL: <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1410931111> (дата обращения: 15.05.2017).
4. The United Kingdom international organization for cultural relations and educational opportunities [Electronic resource]. URL: <https://www.britishcouncil.org> (дата обращения: 15.05.2017).
5. Weber G. The world's 10 most influential languages // Language Today. 1997. № 2(3). P. 12–18.

Concept of global language networks and its heuristic potential

The article represents the analysis of the structure, content and heuristic potential of the concept of global language networks proposed by a group of scientists of the National Academy of Sciences of the United States of America. Special attention is paid to the characteristics of “users” of the global English language.

Key words: *intercultural communication, globalization of language, English as a global language.*

(Статья поступила в редакцию 23.06.2017)

Т.Г. НИКИТИНА
(Исков)

«ОБРАЗЫ РУССКОЙ РЕЧИ» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: К КОНЦЕПЦИИ СВОДНОГО СЛОВАРЯ НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ*

Изложена концепция Сводного словаря народной фразеологии, который объединит материалы отечественных фразеографических источников XIX–XXI в. и новую фразеологию, зафиксированную авторами в разговорной речи и интернет-коммуникации. Рассмотрены особенности макро- и микроструктуры словаря, показаны возможности отражения эволюции культурного фона образных стержней фразеологизмов.

Ключевые слова: *фразеология, устойчивые сравнения, лексикография, словарная статья, народные говоры, молодежный сленг, коды культуры.*

Специфика образности русских фразеологизмов – одна из основных тем, разрабатываемых членами Международного фразеологического семинара при Санкт-Петербургском государственном университете. Направления этой работы, заданные руководителем семи-

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01062).

нара профессором В.М. Мокиенко в известной монографии «Образы русской речи» [7], получают свое лексикографическое воплощение в новом проекте творческого коллектива «семинаристов» – Сводном словаре народной фразеологии, куда будут включены фразеологические материалы изданных в XIX–XXI вв. диалектных словарей и фольклорных сборников, словарей русского жаргона и городской речи, фразеологизмы, функционирующие в интернет-коммуникации и современной живой речи носителей русского языка, записанные собирателями в разных регионах России.

Идея объединения такого разнородного материала была апробирована разработчиками нового лексикографического проекта 10 лет назад в Большом словаре русских поговорок [10], где было описано более 40 тысяч фразеологизмов (термины *поговорка* и *фразеологизм* трактуются авторами словаря как равнозначные). Тогда был реализован и новый для отечественной фразеологии принцип расположения материала – по стержневому слову, позволяющий не только быстро отыскать любую поговорку, но и получить полное представление об образном потенциале и фразеологической активности ее ключевого компонента.

Если Большой словарь русских поговорок [Там же] по объему материала в 7 раз превосходил коллекцию поговорок В.И. Даля, включенных в его знаменитый сборник паремий [4], то Сводный словарь народной фразеологии еще более полно представит читателям русскую идиоматику: здесь максимально расширится круг источников материала, а в объект описания будет включен и еще один, особый тип фразеологических единиц – устойчивые сравнения (или компаративные фразеологизмы), которые ранее описывались, в том числе и разработчиками нового проекта, только в специальных словарях [9]. Согласно замыслу В.М. Мокиенко, такое описание разных типов народных фразеологизмов в едином словарном корпусе позволит лексикографически представить фразеологический сегмент национального языка как относительно полную систему [8].

Стержневой принцип расположения материала будет сохранен и в этом проекте: фразеологизмы-идиомы и устойчивые сравнения (УС) в рамках макростатьи объединит стержневой компонент фразеологического образа. Микростатья – единица описания отдельного фразеологизма – представит его начальную форму, область распространения (географиче-

ские пометы), семантику с оценочными коннотациями (дефиниция и эмотивно-оценочные пометы), паспортизацию источника и при необходимости историко-этимологический комментарий:

НАЛИМ (хищная рыба семейства тресковых) * **Гладкий налим**. *Костром. Ирон.* О полном, упитанном человеке [20, т. 20, с. 17].

Как налим в кислой воде. *Новг.* Об испытывающем тревогу человеке [14, т. 5, с. 153].

Налима съест. *Пск., Твер.* Упасть, сильно удариться [20, т. 20, с. 17].

Пузатый налим. *Пск. Ирон.* О ленивом, толстом человеке [Там же, т. 20, с. 17].

Скользкий (слизкий) как налим. *Народн. Неодобр.* О чем-л. скользком, выскальзывающем [9, с. 425].

НАЧАЛЬНИК (руководитель отдела, предприятия, учреждения и т.п.) * **Начальник дурдома**. *Жарг. шк. Шутл.-ирон.* Директор школы [10, с. 428].

Начальник над лягушками в болоте. *Прост. Ирон.* О псевдоруководителе, не имеющем подчиненных [21, с. 90].

Начальник над скотиной. *Пск.* Животновод, зоотехник [17, т. 20, с. 413].

Начальник Чукотки. *Публ. Ирон.* О бывшем губернаторе Чукотского автономного округа (особенно – Романе Абрамовиче) [15, т. 2, с. 1058–1059] < От названия кинофильма режиссера В. Мельникова «Начальник Чукотки» (1966 г.).

Ходить к начальнику. *Жарг. мол. Шутл.* Посещать туалет [6, с. 272].

Ходить (расхаживать) где как начальник. *Разг. Неодобр. или Ирон.* О расхаживающем где-л. со значительным видом, важно наблюдая за другими, человеке [9, с. 429].

Целоваться с начальником. *Жарг. мол. Шутл.-ирон.* О рвоте в унитаз [6, с. 272].

ОВЁС¹ (травянистое сельскохозяйственное растение) * **Гнать овсом**. *Пск.* Хорошо кормя лошадь, заставлять ее быстро передвигаться [17, т. 22, с. 488]. < Употребляется в составе пословицы *Не гони коня кнутом, а гони овсом*.

(Дети) **как овёс**. *Новосиб.* Один другого меньше (о большом количестве детей) [20, т. 22, с. 295].

Как овса кого, чего. *Кар.* О большом количестве чего-л. [19, т. 4, с. 129].

Не овсом и кормлен. *Волог.* Не жалко (чьего-л. ухода, отъезда; кого-л.) [20, т. 22, с. 295].

Ни овёс, ни ячмень. *Волог.* О бесхарактерном, вялом, неловком человеке, у которого все валится из рук; ни то, ни се [20, т. 34, с. 162].

Хоть овёс вей. *Волог. Неодобр.* О холоде, сквозняке в помещении [Там же, т. 22, с. 295].

Результатом языковой игры, основанной на созвучии, стал зафиксированный в среде футбольных фанатов фразеологизм *пасться в овсе* – ‘находиться в положении вне игры (в офсайде)’: *Вагнер часто в овсе пасется. На то он и конь* (Запись 2004 г.) [13, с. 161]*. Представители фан-культуры употребляют и другие формы сленгизма, фонетически сближающиеся со словом *офсайд*: *забил из овса, не было овса* и т.п. (ассимиляция по глухости: [в] → [ф]). Употребление сленгизма *овёс* (‘положение вне игры’) в исходной форме нами не зафиксировано, тем не менее эта форма как потенциально возможная выносится в заголовкомоним, под которым и разрабатывается сленговый фразеологизм, ставший результатом языковой игры:

[**ОВЁС**²] (в сленге футбольных фанатов: положение вне игры) * **Пасться в овсе.** *Жарг. футб. Шутл.* Находиться в положении вне игры, в офсайде [12, с. 167] < По созвучию: *в овсе – в офсайде.*

Таким образом, макростатьи словаря отразят древнейшие «образы русской речи», восходящие к базовым кодам культуры – растительному, зоологическому, пищевому и др., и социокультурно маркированные метафоры как результат образного осмысления новых реалий и реинтерпретации старых образных мотивов.

Как правило, такая реинтерпретация, перекодирование образа происходит при развитии переносного значения слова, выполняющего роль образного стержня фразеологизмов. Так, выражение *сидеть на траве* в народных говорах функционирует в значении ‘лечиться лекарственными травами’, а в молодежном сленге означает регулярное употребление гашиша (жарг. *травка, травка* – ‘гашиш, наркотик для курения’). Каждый лексико-семантический вариант многозначного слова формирует свой круг ассоциаций, на которых базируются тропы, лежащие в основе новых фразеологизмов. Этим обусловлено выделение блоков внутри

* Речь идет о бывшем игроке футбольного клуба ЦСКА. Последний имеет сленговые названия *Конюшня, Кони* (его клубный стадион находится на ул. Песчаной, где когда-то располагались конюшни московского ипподрома). Конями называют и игроков этого клуба.

макростатьи, как и в случае с образным стержнем *травка*:

ТРАВА (1/ растение, не имеющее древесного ствола) * **Бестолковая как трава.** *Ирк. Пренебр.* О глупой, непонятливой женщине [9, с. 687].

Вырывать / вырвать кого, что как сорную (худую) траву из поля. *Народн.* О полном и решительном уничтожении, избавлении от кого-л., чего-л. зловредного, негодного [Там же, с. 688].

Гнать (выгонять, пасться) на [вторую, третью и т.д.] траву. *Пск.* Гнать, выгонять пасться на второй, третий и т.д. год (о возрасте животного) [20, т. 44, с. 324].

<...>

(2/ гашиш, наркотик для курения) * **Божья трава.** *Жарг. нарк.* Гашиш [2, с. 912].

Нюхнуть траву. *Жарг. мол.* Курить гашиш [1, с. 115].

Сидеть на траве. *Жарг. мол.* Курить гашиш [10, с. 669].

<...>

Внутри блока фразеологизмы располагаются в алфавитном порядке по первой букве для удобства пользователя, которому необходимо быстро отыскать определенный фразеологизм. Внимательное прочтение всей макростатьи позволит получить целостное представление о фразеологической объективации определенных элементов растительного кода культуры (при понимании кода культуры как «концептуальной области универсальных и наиболее значимых культурных смыслов» [5, с. 172]), а также осмыслить комплекс коннотаций лексической единицы *травка*, детерминированных растительным кодом культуры, единицей которого это слово является.

Это особое коннотативное значение единиц культурного кода, являющихся знаками вторичной семиотической системы, Д.Б. Гудков называет символическим значением. Толковые словари не отражают такие значения, что, по мнению ученого, делает необходимым и актуальным введение подобных описаний в лексикографическую практику [3, с. 49]. Возможно, группировка разносистемного фразеологического материала вокруг образного стержня, реализуемая в Сводном словаре народной фразеологии, позволит приблизиться к решению этой лексикографической задачи.

Так, из дефиниций и комментариев, сопровождающих фразеологизмы в микростатьях первого блока словарной статьи «ТРАВА», читатель узнает о качествах травы, которые

в народном сознании стали эталонами вкуса (*трава травой, безвкусный как трава* – ‘о пресной, безвкусной пище’), большого количества (*как травы [в лесу]* – ‘о большом количестве чего-л.’), цвета (*зеленый как трава* – ‘о зеленовато-бледном цвете лица’). В фольклорной традиции, как отмечает В.М. Мокиенко, трава является и мерилом чего-л. невысокого, эталоном «нижины». Она «оплетает ноги, приминается конскими копытами, стелется муравой» [7, с. 246–247]. Отсюда – устойчивые образные ассоциации, лежащие в основе мотивировок фразеологизмов, обозначающих робкого, нерешительного человека: *тише воды, ниже травы; ниже травы* (Коми, Сиб.) [9, с. 688]; *ниже травы, тише воды* [21, с. 416]; *трава-человек* (Орл.) [20, т. 44, с. 323], характеризующих беспрекословное подчинение, повиновение кому-л. или поведение угодливого подхалима: *стелиться травой (как трава), расстилаться ниже травы* [9, с. 688].

«Метричность» травы в народной фразеологии не ограничивается пространственной сферой, а реализуется и при отражении временных показателей, например возраста домашних животных, для которых трава на пастбищах является основным естественным кормом:

Есть вторую (третью, пятую и т.п.) траву. *Кар., Перм.* Быть в определенном возрасте (о животных) [20, т. 33, с. 236].

Идти / пойти на третью (четвертую и т.д.) траву. *Новг.* Достичь трех, четырех и т.д. лет [Там же, т. 44, с. 324].

На первой (на второй, третьей и т.д.) траве. *Камч., Новг., Якут.* Годовалый, двухлетний, трехлетний (о возрасте лошади, коровы). **По первой (на второй, третьей и т.д.) траве.** *Народн.* То же. **На первую (вторую, третью) траву [пошёл, пошла].** *Новг., Твер.* То же [Там же, т. 14, с. 274, 349; т. 44, с. 324; т. 45, с. 63].

Седьмая трава. *Кар.* Семь лет (о возрасте животного) [19, т. 6, с. 502].

Высоко оцениваются полезные свойства травы и в народной медицине. Прагматически ориентированные наименования – неоднословные народные термины, включенные в Сводный словарь фразеологии, – фиксируют в своей мотивировке «назначение» препарата применительно к конкретному диагнозу или отражают широкий спектр его действия:

Грызня трава. *Прикам.* Растение кошачьи лапки [16, с. 100] < Применяется при лечении грыжи.

Желтушная трава. *Прикам.* Растение чреда [16, с. 100] < Применяется при лечении желтухи.

Женская (маточная) трава. *Прикам.* Растение повилика цветоножковая [Там же] < Рекомендуются для лечения заболеваний мочеполовой системы, женских болезней.

Занозная трава. *Волог.* Подорожник [10, с. 668] < Компресс из листьев подорожника применяется для удаления заноз.

Трава от девяноста девяти болезней. *Разг.* О зверобое [Там же, с. 669] < Используется при лечении заболеваний желудка, холецистите, желчекаменной болезни, заболеваниях почек и печени, при лечении гипертонии и аллергических реакций, в гинекологии.

В природно-ландшафтном аспекте трава интерпретируется народным сознанием как неотъемлемый компонент окружающей среды. Элементарная прогулка по траве становится образным мотивом метонимических фразеологизмов-эвфемизмов, восходящих к архетипической оппозиции «жизнь – смерть», «свобода – несвобода», таких как записанный в Рязанской области оборот *не топтать травы* – ‘умереть’ [20, т. 44, с. 323], калужское *травы не топтать* кому – ‘кто-л. скоро умрет’ [Там же, с. 257], бытующий в криминальной среде фразеологизм *идти / пойти на траву (на травушку)* – ‘совершать побег из заключения (в летнее время)’ [10, с. 669]. Ср.: *мять (топтать) траву* 1. (новг., перм.) – ‘жить, существовать’ [Там же]. 2. (жарг. угол.) – ‘находиться на свободе, не в заключении’ (Запись 2016 г.).

Архетипическая оппозиция «жизнь – смерть» прочитывается и в оборотах с «растительным» компонентом *вянуть*, актуализирующих в своей внутренней форме смысл потери растением свежести, его засыхания, гибели [5, с. 190]. В нашем материале они также широко представлены:

Вянуть / повянуть (завясть, завянуть, привянуть, привясть, сповянуть) как [кошёная] трава. *Фольк.* О чахнущем, болеющем и слабеющем от тоски, неволи, болезни и т.п. человеке (обычно – женщине) [17, т. 11, с. 119; 20, т. 5, с. 209, т. 28, с. 304].

Голова у кого вянет как трава. *Пск. Неодобр.* 1. Об унывающим, печальщемся, болезненно тоскующем человеке. 2. О потере с возрастом способности быстро рассуждать, думать < *Вянуть* – лишаться свежести, увядать [17, т. 6, с. 119].

Жить как трава вянет. *Кар.* Об одиноком, живущем в нищете человеке [20, т. 44, с. 323].

Погаснуть как трава. *Брян.* О тихо и незаметно умершем человеке [9, с. 687].

Сердце (сердечко) вянет как трава у кого. *Пск. Фольк.* О чьей-л. сильной сердечной тоске, кручине [17, т. 6, с. 119].

В контексте противопоставления живого и мертвого, как отмечает М.Л. Ковшова, может рассматриваться и фразеологизм *после меня хоть трава не расти* – ‘о полном безразличии, равнодушии к чему-л.’. Рост травы как ее онтологическое свойство переосмысливается здесь и в ценностных категориях благополучия, а фразеологизм в целом становится эталоном безразличного отношения к чужим проблемам и, таким образом, может быть соотнесен также с архетипической оппозицией своего и чужого [5, с. 190–191]. Шутливо-ироническое развитие этого образного мотива находим в народной фразеологии: «благополучие» эксплицируется здесь во второй части трансформированного фразеологизма, а безразличие проявляется к способам получения материальных благ, на что указывает первая, уступительная предикативная часть оборота: **Хоть трава не расти, только бы сено было** [у кого]. [18, с. 49].

Еще один вариант обращения к признаку «способность расти» воплощается в своеобразной реализации фразеологической «формулы невозможного» в народных говорах: исчезновение этого онтологического свойства травы представляется здесь таким же невозможным, как и невыполнение данного кому-л. обещания, намеченного плана и т.п.: **Траве не расти.** *Том.* При любых условиях, обязательно [20, т. 44, с. 323].

Субкультурно маркированный образ травы, который раскрывается во втором блоке словарной макростатьи, объективируется фразеологизмами, бытующими в среде потребителей, дилеров и производителей наркотиков. Для них *трава*, как отмечалось выше, – это сырье (травянистое растение конопля) и изготовленный из этого сырья наркотик для курения (гашиш).

Единицы растительного «субкультурного кода» отражают здесь такой существенный признак именуемого фитообъекта, как место произрастания (*китайская трава* – манчжурская конопля («манчжурка»), *чуй-трава* – конопля из Чуйской долины («чуйка»), шутл. *ЮФО-трава* – краснодарская конопля («краснодарка»)), указывают на способ употребления изготовленного нарко-продукта: *дым-трава*, *дымок-трава*; показывают воздействие наркотика:

Дурман-трава. *Жарг. нарк.* Гашиш (Запись 2015 г.) < Оказывает одурманивающее воздействие; *дурман* (лат. *Datura*) – официальное название галлюциногенного растения семейства пасленовых.

Смешная трава. *Жарг. нарк.* Гашиш [6, с. 392] < Вызывает непроизвольный смех.

Шайтан-трава. *Жарг. нарк.* Гашиш [11, с. 327] < Вызывает агрессивное состояние; *шайтан* – у мусульман: злой дух, демон.

Эвфемизм *божья трава*, содержащий положительные коннотации (*Божья трава в киче /в тюрьме/ на вес золота* [2, с. 912]), употребляется в субкультурной среде, как правило, по отношению к качественному наркотику. Противоположный полюс оценки отражает шутливо-иронический фразеологизм, обозначавший ранее некачественный табак [6, с. 426]:

Трава с могилки Хо Ши Мина. *Жарг. мол. Шутл.-ирон.* Гашиш низкого качества (Запись 2015 г.).

Популярность наркотиков для курения не только в субкультуре наркоманов, но и в целом в молодежной среде (о чем можно только сожалеть), доказывает большое количество общемолодежных фразеологизмов, отражающих процесс приобщения к *траве* – наркотику для курения (*сесть (присесть) на траву, упасть на траву, приколоться к траве*), его регулярное употребление (*сидеть на траве, нюхать траву, торчать на траве*), акт приема наркотика для курения (*нюхнуть (понюхать) травы*), отказ от наркотика: *слететь с травы, слететь с травы, спрыгнуть (соскочить) с травы*).

Смысловая триада ‘приобщиться к наркотикам’ – ‘регулярно употреблять наркотики’ – ‘прекратить употреблять наркотики’ более широко представлена фразеологизмами в социальных диалектах, чем в территориальных диалектах отражены соответствующие понятия, связанные с лечением травами, хотя отдельные образные параллели (они были показаны выше) здесь имеются.

Параллели с народными говорами на уровне образной структуры фразеологизмов просматриваются и в сленговых оборотах, передающих темпоральные характеристики своего, специфического объекта. Так, фразеологизмы *первая трава, вторая трава, третья трава* и т.п. относятся здесь к «возрасту», времени эксплуатации участка, нелегально засеянного коноплей: *На второй траве менты поляну пожгли* (Запись 2015 г.); *Этот плантарь /плантация/ – вторая трава* (Запись 2016 г.).

Согласно концепции Сводного словаря народной фразеологии, контексты употребления ФЕ не будут включены в словарные статьи в силу ограничения объема печатного издания, где будет описано около 130 тыс. фразеологических оборотов, но в формате электронной базы данных (ее создание также планируется) репрезентация иллюстративного материала будет реализована, что позволит сделать выводы и об особенностях живого функционирования ФЕ. Реализация же проекта в рамках рассмотренной в статье концепции даст возможность, с одной стороны, во всех деталях представить эволюцию фразеологических образов в новых социокультурных условиях, а с другой – отразить константы русской культуры как неиссякаемый источник фразеологической образности.

Список литературы

1. Вахитов С.В. Словарь уфимского сленга. Уфа: Изд-во БГПУ, 2003.
2. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003.
3. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39–50.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Худож. лит., 1957.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
6. Максимов Б.Б. Фильтруй базар. Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Магнитогорск: МаГУ, 2002.
7. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
8. Мокиенко В.М. Принципы Ларинской лексикографии в трехтомном Большом словаре пословиц, поговорок и сравнений русского языка // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 70–84.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
10. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
11. Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры. Тематический словарь сленга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.
12. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Оле-оле-оле! Словарь футбольного болельщика. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
13. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Футбольный словарь сленга. М.: Астрель, 2006.
14. Новгородский областной словарь / отв. ред. В.П. Строгова. Великий Новгород: Изд-во НГПУ – НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1992–2000. Вып. 1–13.
15. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2 т. / отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
16. Прокошева К.Н. Материалы для словаря говоров Северного Прикамья. Пермь: Перм. пед. ин-т, 1972.
17. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б.А. Ларина [и др.]. Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2016. Вып. 1–26.
18. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
19. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Вып. 1–6.
20. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2014. Вып. 1–47.
21. Соколова М.И. Народная мудрость: Пословицы и поговорки. Новосибирск: Офсет, 2009.

* * *

1. Vahitov S.V. Slovar' ufimskogo slenga. Ufa: Izd-vo BGPU, 2003.
2. Grachev M.A. Slovar' tysjacheletnego russkogo argo: 27 000 slov i vyrazhenij. M.: RIPOL KLASSIK, 2003.
3. Gudkov D.B. Edinicy kodov kul'tury: problemy semantiki // Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. st. / отв. ред. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M.: MAKS Press, 2004. Vyp. 26. S. 39–50.
4. Dal' V.I. Poslovicy russkogo naroda. M.: Hudozh. lit., 1957.
5. Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012.
6. Maksimov B.B. Fil'truj bazar. Slovar' molo-dezhnogo zhargona goroda Magnitogorska. Magnitogorsk: MaGU, 2002.
7. Mokienko V.M. Obrazy russkoj rechi: Istoriiko-jetimologicheskije i jetnolingvisticheskie ocherki frazeologii. L.: Izd-vo LGU, 1986.
8. Mokienko V.M. Principy Larinskoj leksikografii v trehtomnom Bol'shom slovare poslovic, pogovorok i sravnenij russkogo jazyka // Voprosy leksikografii. 2012. № 1. S. 70–84.
9. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkih narodnyh sravnenij. M.: OLMA Media Grupp, 2008.
10. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok. M.: OLMA Media Grupp, 2008.
11. Nikitina T.G. Kljuchevye koncepty molo-dezhnoj kul'tury. Tematicheskij slovar' slenga. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2013.

12. Nikitina T.G., Rogaljova E.I. Ole-ole-ole! Slovar' futbol'nogo bolet'shhika. M.: OLMA Media Grupp, 2010.

13. Nikitina T.G., Rogaljova E.I. Futbol'nyj slovar' slenga. M.: Astrel', 2006.

14. Novgorodskij oblastnoj slovar' / otv. red. V.P. Strogova. Velikij Novgorod: Izd-vo NGPU – NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 1992–2000. Vyp. 1–13.

15. Novye slova i znachenija. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX veka: v 2 t. / otv. red. T.N. Buceva. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2009.

16. Prokosheva K.N. Materialy dlja slovarja govorov Severnogo Prikam'ja. Perm': Perm. ped. in-t, 1972.

17. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi / pod red. B.A. Larina [i dr.]. L. (SPb.): LGU (SPbGU), 1967–2016. Vyp. 1–26.

18. Rybnikova M.A. Russkie poslovcy i pogovorki. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961.

19. Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej / gl. red. A.S. Gerd. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1994–2005. Vyp. 1–6.

20. Slovar' russkih narodnyh govorov / gl. red. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov. M.; L.; SPb.: Nauka, 1965–2014. Vyp. 1–47.

21. Sokolova M.I. Narodnaja mudrost': Poslovcy i pogovorki. Novosibirsk: Ofset, 2009.

М.С. СОКОЛОВА
(Волгоград)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОЗИТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Освещается понятие социальной поддержки как феномена, оказывающего благотворное влияние на процесс коммуникации. Социальная поддержка представляет собой сложный коммуникативный процесс, направленный на оказание различного рода помощи, необходимой собеседнику в контексте текущей ситуации. Представлено краткое описание типов поддержки, способствующих при определенных условиях оптимизации общения. Используются понятия и теоретические положения, отражающие коммуникативный подход, в рамках которого проводится исследование.

Ключевые слова: социальная поддержка, межличностные отношения, позитивная коммуникация, виды поддержки.

Социальная поддержка, несомненно, играет важную роль в жизни человека взаимодействующего, человека как части общества. Значимость поддержки можно объяснить наличием у индивидуума потребностей, свойственных ему как Homo sapiens. С одной стороны, это естественные потребности в безопасности (по А. Маслоу), с другой – экзистенциальные потребности человека в установлении социальных связей (по Э. Фромму), крепких и гармоничных взаимоотношений. В. Франкл в своей книге «Человек в поисках смысла» пишет о самотрансценденции человеческого существования: «<...> человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдает себя делу, чем больше он отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой» [3]. Итак, содействующее социальное поведение – это естественное проявление человеческой природы.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16-34-00016).

“Images of Russian speech” in lexicographical interpretation: concept of a Consolidated dictionary of popular phraseology

The article deals with the concept of a Consolidated dictionary of popular phraseology, which brings together the materials of the domestic phraseological sources of the XIX–XXI centuries and the new phraseology recorded by authors in speaking and Internet communications. The features of macro- and microstructure of the dictionary, the potential of reflection of the evolution of the cultural background of phraseological units are described in the article.

Key words: phraseology, fixed comparisons, lexicography, dictionary entry, folk dialects, youth slang, the codes of culture.

(Статья поступила в редакцию 17.07.2017)